

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1940 ЛЕНИНГРАД

Кострища залегают на почти ровной поверхности древней поймы. Вокруг кострищ, преимущественно с одной из сторон, располагались кости и каменные орудия, иногда довольно далеко от самого кострища. В одном лишь месте найдено крупное скопление костей над кострищем. Кремневые орудия и отщепы, встреченные на поверхности стоянки, немногочисленны. В одном пункте найдено скопление орудий и отщепов в условиях, стратиграфически соответствующих самому нижнему кострищу. Это скопление представляет собой рабочее место окло большого плоского камня, на котором происходило отбивание пластин кремня. Поверхность камня покрыта выбоинами от ударов. Среди найденных орудий особенно многочисленны пластинки с притупленной спинкой. Исключительный интерес представляет одно орудие со вкладышами. Оно имеет вид костяного стержня, по обеим сторонам которого располагались пластинки. Замечательно, что вкладышами служили пластинки с притупленной спинкой. В разных пунктах на стоянке найдено несколько каменных плит. Некоторые из них использовались для обкладки очага.

Список животных, кости которых встречены на поселении, включает: мамонта, носорога, северного оленя, лошадь, косулю, песца, зайца, лемминга и др. В общем состав фауны типичен для холодного климатического режима верхнепалеолитического времени. Работы 1939 г. дали возможность установить временный, сезонный характер поселения, где не было прочных жилых сооружений. Обитатели его скорее пользовались легкими жилищами типа шалашей. Так как некоторые кострища существовали, повидимому, одновременно, можно считать, что на становище люди приходили 4—5 раз в летнее время. Выбор места для стоянки обуславливался наличием недалеко выходов дрезних галечников, дающих материал для орудий, кроме того пойма Чусовой, вероятно, была богата дичью, на которую охотился первобытный человек.

При обследовании в районе стоянки обнаружено новое местонахождение. С этого пункта пока имеется еще очень мало материала. Тем не менее, он вызывает еще больший интерес, чем описанная выше стоянка. Здесь найдены четыре отщепа кремнистого сланца и орудие, представляющее собой вполне законченный остроконечник с двусторонней обработкой, раннемустьерского типа. Находки эти подобраны на поверхности галечников и щебенки, которые являются промытым слоем, входящим в состав древней террасы (третьей надпойменной или второй, если первую террасу считать повышенной частью поймы). Галечники почти не передвинуты водой, а лишь спроектированы на бичевнике. Есть основание связывать находки именно с этим галечником, а не с вышележащими слоями суглинка более молодой террасы. Геологически эти находки несомненно более дрезние, чем раскопанная стоянка, тем не менее относить их к мустьерскому возрасту пока еще преждевременно, поскольку нам еще мало известны местные формы верхнего палеолита.

Все же мустьерский возраст находки очень вероятен.

М. В. Талицкий

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В СЕМИРЕЧЬЕ

Работа над древними памятниками Семиречья, входящего в состав Казахской и Киргизской республик, в 1939 г. являлась продолжением археологической разведки и стационарной работы в этом районе, начатой в 1936 г. Основной задачей экспедиций был учет памятников старины, их датировка и составление археологической карты района. Работы проводились в долинах рек Таласа, Чу и Или. По долине р. Или

была проведена рекогносцировка в связи с вопросами исторической топографии памятников. Учитывая, что раскопки г. Тараза в 1936 и 1938 гг. дали возможность выяснить пути формирования феодальных поселений, кампания 1939 г. обратила наибольшее внимание на памятники, характеризующие эпоху ранних кочевников III в. до н. э. — II в. н. э. (Берккаринский и Кеякольский могильники).

I. Археологические исследования в Казахстане

(ИИМК и КФАН)

Археологические работы в Казахстане в 1939 г. проводились в двух областях Казахстана — в Жамбульской и Алма-Атинской. В первой, Жамбульской, были закончены работы по исследованию Берккаринского могильника III в. до н. э. и II в. н. э. в районе оз. Бийли-куль, где были раскопаны цепочки курганов малых и средних размеров, — всего 31 курган.¹ Эти курганы, как правило, принадлежали женским погребениям (средние курганы) и детям (малые курганы). Во время раскопок курганов обнаружено большое количество сосудов — круглодонные чайникообразных форм, сосуды с петельками для подвешивания к седлу, плоские мисочки и т. д. — приспособленных для кочевого быта, кроме того в курганах найдены железные односторонние ножи, прясла от веретен, поделки из бронзы и золота. Среди украшений, найденных в погребениях, выделяется спиралевидная золотая серьга с подвеской в виде луны, нашивки на одежду в виде штампованных и вырезных пластинок и т. п. Особенно следует отметить находку бронзовой поясной бляхи с изображением головы льва, держащего в пасти птицу, голова которой является крючком застежки. Пряжка представляет интереснейший в историческом отношении предмет, своим происхождением связанный с традицией скифского искусства.

Большой интерес имеет обособленная группа курганов с захоронениями воинов. В этих курганах были найдены трехгранные с черенком железные и костяные стрелы, эфес кинжала, нефритовая чашечка, видимо китайской работы, и разнообразный набор украшений. Крупные богатые курганы, принадлежащие знати, грабились еще в древности и дают поэтому весьма скудный материал. Любопытен факт нахождения в кургане этого типа керамики и осколков металлического зеркала, явно не местного происхождения.

Изучение Берккаринского могильника дало много материала для освещения истории древних кочевых племен. По собранным материалам можно проследить особо выдающееся положение знати и воинов. Подчиненное место принадлежало женщинам и детям. Особое место занимали рабы. Раскопки подтверждают космогонические представления кочевников — поклонение луне, солнцу, звездам и кометам. Эти представления отражены в многочисленных и характерных выкладках из камней (иногда специально подбирался кварц) вокруг курганов.

Кроме изучения могильника экспедиция провела исследование стоянки кочевников, оставивших эти курганы (Джума бай-тепе, на правом берегу р. Асса). Здесь обнаружена керамика, идентичная той, которая находится в погребениях. В этом же районе по р. Асса зарегистрированы и изучены два поселения мусульманского типа. Удалось установить, что жители этих поселений, вероятно VIII—IX вв., грабили древние курганы кочевников. Около одного из исследованных Берккаринских курганов найдены следы кострища с керамикой и чираком (лампой), идентичными керамике мусульманских поселений, явно оставленными грабителями кургана.

¹ См. наш отчет о работах 1936—1938 г. ВДИ, 4 (9), 1939.

По окончании работ на могильнике экспедиция провела разведку в Алма-Атинской области. Пользуясь китайскими письменными источниками по истории кочевых народов области и свидетельствами Вильгельма Рубрука, проезжавшего этот район осенью 1253 г., мы пытались обнаружить здесь памятники, подтверждающие письменные указания. Исследования показали, прежде всего, весьма характерную картину расселения древних народов. Оседлое земледельческое население, в основной своей массе происходившее из местной, тюркской, среды и частично из переселенцев-иранцев, не освоило в VII—XIV вв. богатую водой р. Или. Причин к этому было много; во-первых, при наличии большого количества мелких горных речек (Талгар, Иссык, Тургень, Чилик и т. д.), которые легче осваивать для земледелия, незачем было вкладывать много труда для вывода воды из р. Или; во-вторых, для того чтобы вывести ее на сравнительно высокие участки предгорий Зайлийского Алатау, головы арыков следовало бы сооружать далеко от самих поселений, что было почти невозможно, так как вокруг земледельческих поселений кочевали скотоводы-тюрки, господствовавшие здесь с VI в. Вот почему на восток от Алма-Ата земледельческие поселения, особенно XI—XII вв., расположены по речкам Талгар, Иссык, Тургень, Чилик и далее на юго-восток и юг, к верховьям Чарына, Кегень и т. д., отходя от р. Или. В Илийской долине того времени основное положение занимали скотоводы-тюрки, для животноводческого хозяйства которых были прекрасные условия. Их курганы, которые ставились обычно на местах зимовок огромными группами, в сотни и даже тысячи единиц, расположены по левому берегу р. Или. Раскопки этих курганов показали, что они относятся к VI—VIII вв. В это время долину р. Или занимали племена Дулу западнотюркского каганата.

Безраздельно господствовали кочевники и по правому берегу р. Или, на отрезке территории между современными поселениями от Коктала до Басчий (у Алтын-Эмельского перевала).

Великолепным местом для земледельческого поселения древних народов была долина р. Коксу и Каратала в районе современного Талды-кургана. Здесь, в местечке Дунгене Каратальского района экспедиция обнаружила развалины большого города Кыялыка (Койлак), который посетил в ноябре 1253 г. Вильгельм Рубрук.

После переправы через р. Или он останавливался в городе, населенном персами, который назывался Эквиус. Развалины этого города были обнаружены экспедицией на правом берегу р. Или около поселка Чингильды. Оставшаяся квадратная крепость с небольшой цитаделью, водопроводные трубы, керамика, найденная экспедицией, все эти данные, свидетельствующие об иранском населении древнего городища, не оставляют сомнений в том, что это и есть развалины города Эквиус. Об этом говорит и сообщение Рубрука о том, что от Эквиуса до Кыялыка он проехал в одни сутки. Следует учесть, что он пользовался монгольской почтой, суточный перегон которой равен 150—200 км — расстояние, разделяющее городище у с. Чингильды (Эквиус) и пос. Дунгене (Кыялык). Между городами Эквиус и Кыялык дорога шла по долине рек Малой и Большой Биже, по которой стояли караван-сарай. Они непрерывной цепью тянулись и вдоль отрогов Джунгарского Алатау в направлении к озеру Ала-куль. Их развалины заметны у Кызыл Тогана на Биже, на Каратале у Талды-кургана, на р. Кызыл Агач у Копала. На этой древней дороге и вырос большой город-столица кочевников-карлуков — город Кыялык-Койлык. На древнем городище Койлыке были произведены археологические раскопки разведочного порядка. Небольшой шурф, заложенный экспедицией (60 кв. м) дал весьма интересный в археологическом отношении материал. Монеты XI—XII вв.,

иранская керамика с клеймами мастеров, тамги на сосудах, изделия из кости китайской работы, остатки разрушенных строений и т. п. наглядно показали, что развалины принадлежат крупному древнему центру. Исключительно выгодное положение города, в прекрасно орошенной долине, на торговых путях в Восточный Туркестан, вполне оправдывает восхищение Рубрука, когда он попал в эту долину после утомительного переезда через сравнительно пустынную долину р. Или.

Археологическая разведка 1939 г. по Алма-Атинской области выяснила, в общих чертах, древнее заселение края. Она вскрыла основные культурные центры этого района и некоторые типические черты культуры Илийской долины.

Среди этих типических черт отметим: отсутствие поливы в „мусульманских“ слоях городищ, бедность форм и орнамента керамики, городища без цитаделей и подчинение топографии поселений караванным путям.

II. Археологические исследования в долине р. Талас (ИИМК и Эрмитаж)

В конце июля нами была проведена небольшая поездка в верховья р. Талас (Таласский район, КирССР) с целью произвести раскопки курганов с катакомбами, частично изученных еще в 1938 г.

Во время этой поездки были вскрыты 8 курганов, семь из которых оказались с катакомбами, давшими исключительно интересный материал по истории кочевников первых веков нашей эры. Катакомбы находились под курганными насыпями, на глубине до 3.5 м (от верхушки кургана). В насыпи, как правило, был один сосуд, либо чрезвычайно грубой работы ручной лепки, плохого теста и обжига, либо, наоборот, весьма хорошей работы (видимо согдийской), иногда лощеный и с орнаментом. Катакомбы были вырублены в лессовом грунте инструментом, весьма похожим на современный киргизский чот. Следы вырубки весьма ясно прослеживаются по стенам катакомбы. В катакомбу вел вырубленный в лессе, с легким понижением пола, коридор. Вход в катакомбу закрыт каменной плитой. В катакомбах были обнаружены захоронения, обычно парные, иногда с детьми. Общая сохранность материала в катакомбах хорошая, несмотря на то, что все содержимое катакомбы переворошено грызунами. Обнаруженные скелеты принадлежали в расовом отношении метисам, некоторые сохранили явные монголоидные черты. Все черепа в катакомбах были искусственно деформированы, в том числе и детские. В одном случае вход в катакомбу преграждали два костяка, без инвентаря, лежавшие на грубом хворостяном помосте с одним сосудом. В самой катакомбе лежали два монголоидных костяка с деформированными черепами, костяки у входа принадлежали европеоидам, видимо, рабам из местного населения памиро-ферганской расы.

Богатый коллекционный материал из катакомб представлен, главным образом, изделиями из дерева. Сюда относятся чаши и кубки из дерева. Часть из них имеет следы починки медной проволокой и медные заплаты, укрепляющие трещины сосудов.

Во многих катакомбах найдены деревянные столики на четырех ножках для изготовления пищи из муки. В двух катакомбах были обнаружены части детских колыбелей, аналогичных киргизским „пешик бала“. В одной катакомбе находилось ложе из арчевых досок с укрепленными на всех четырех сторонах брусками, образующими род бортика. Почти во всех вскрытых катакомбах погребены мужчины-воины, рядом с которыми были найдены предметы вооружения — деревянные стрелы с железными трехгранными, втульчатыми наконечниками скифского типа, костяные черенковые крупные стрелы, костяные обкладки сложно-составного лука

и т. п. Около женщин, помимо деревянной посуды, были плетеные из лыка корзинки, посуда из глины двух типов: сравнительно приземистые сосуды с широкой горловиной для варки пищи и высокие с ручкой для воды. Характерно, что инвентарь катакомб повторяется, подчеркивая как бы некоторое единство в имущественном отношении исследованных катакомб.

Чрезвычайно ценной находкой оказалась одна катакомба, в которой, благодаря слабой влажности и отсутствию доступа воздуха, мумифицировались трупы и хорошо сохранилась ткань одежды.

На арчевом помосте из досок, стоявшем на камнях, лежали два покойника. Доски были покрыты сеном. Один из покойников был мужчина. Он лежал на спине, голова была слегка повернута на север (направление костяков с востока на запад). Около левой руки лежала палка-посох. На костяке прекрасно сохранился кожный покров части лица. Из одежды хорошо сохранились шелковая просторная рубаша, хуже кожаные штаны и кожаные мягкие сапоги типа среднеазиатских чарыков. Под головой мужчины было сделано изголовье из тростника. Рядом с ним лежала женщина, также частично мумифицированная. На голове ее была повязка из красного шелка, лицо, включая глаза, было закрыто шелковым куском материи, завязанным на затылке. Одета она была в халат из шелка с завязками на груди. На шее мелкие бусы с медной небольшой пряжкой. На ногах были также кожаные штаны и чарыки. Рядом с погребением женщины в небольшой нише, сделанной в стенке катакомбы, стоял деревянный кубок с ручкой. У головы, на полу, стояли: деревянная чаша с остатками пищи и глиняный кувшин для воды, у ног — глиняный сосуд для варки пищи, в котором лежали тыквенный футляр, употребляемый ныне для насоя (табак для жевания), и веретено с каменным пряслицем. У головы и ног стояли светильники из слабо обожженной глины. Шелковая ткань одежды мужчины и женщины прекрасно сохранилась. Шелк китайской работы ханьского времени (II в. до н. э. — II в. н. э.).

Следует вспомнить, что находок тканей этого времени (включая фрагменты) известно в мире четыре (Восточный Туркестан, Монголия, Забайкалье, Минусинский край), а находки одежды только одна (в Монголии, могильник Ноин-ула). Таким образом открытая катакомба дает пятую находку шелка ханьского времени и вторую находку одежды. Покрой одежды, орнаментированные вышивкой рукава одежды находят себе аналогии в знаменитых Ноинулинских курганах. Благодаря этим находкам, мы имеем первые данные об одежде кочевников Средней Азии, о чем можно было судить до наших находок лишь по аналогиям и отдельным догадкам, так как в самой Средней Азии одежды хорошей сохранности до сих пор не было найдено.

Весьма ценной является обнаруженная целая серия предметов, которые также для этого времени являются первыми, например, детская колыбель, посуда из дерева и т. п., находящие себе аналогии в этнографическом материале местных тюркских народов. Находки прекрасно сохранившихся обкладок лука и стрелы позволяют реконструировать тип вооружения, причем ряд догадок о типе лука и длине стрелы получает свое документальное подтверждение.

Работы 1939 г. над Кенкольским могильником дали блестящий материал по истории кочевников рубежа нашей эры, повидимому гуннов. Историческое значение могильника и открытых катакомб весьма важно для истории Средней Азии, этногенеза ее современного населения и, в частности, ее тюркоязычных народов, так как в могильнике представлен наиболее древний средне-азиатский монголоидный тип. Культура катакомб теснейшим образом связана с культурой современного тюркоязычного населения Средней Азии.

III. Археологические исследования в Киргизии

(ИИМК и Комитет Наук при СНК КирССР)

В 1939 г. в Киргизии, в Чуйской долине, продолжались исследования 1938 г. и кроме того были дополнительно охвачены долины рек Малого и Большого Кемина. На городищах у с. Красная Речка и на городище Ак-Пешин, обследованных в 1938 г., были произведены раскопочные работы, проводившиеся, главным образом, на городище Красная Речка. Раскопками были охвачены холмы и постройки вне стен городища. Три раскопа были заложены в разных частях самого поселения. Раскопки холмов дали в одном случае весьма интересную постройку — согдийский замок из восьми комнат в виде вытянутых прямоугольников. Замок был брошен, повидимому, в связи с переселением его обитателей в другое место, поэтому в развалинах его не осталось бытового инвентаря. Раскопанный замок является типичным „кешком“, домом-крепостью большой семьи эпохи рабовладельческих отношений в Семиречье. Покинутый замок был использован (вероятно в VI—VII вв.) как кладбище, вначале зороастрийское, затем мусульманское. От первого остались погребения в оссуариях — хумы с крышками, имеющими резной орнамент. К тому же времени, возможно, относятся тюркешские монеты и золотой брактееат с изображением головы человека. От мусульманского кладбища сохранились грунтовые могилы караханидского времени. Покойники, обычно, обнаруживались без всякого инвентаря. Аналогичная картина оказалась и на другом тепе, где в некоторых захоронениях было найдено большое количество украшений, — изделия из металла и много бус.

Раскопки третьего тепе обнаружили постройку с фресковой росписью по штукатурке, но по техническим причинам дальнейший раскоп был прекращен. Последний раскоп за пределами городища вскрыл постройку мусульманского времени, четырехугольную в плане, с большим количеством бытового инвентаря XI—XII вв., среди которого наибольшее внимание привлекает венчик хума с надписью, выполненной согдийским шрифтом.

Три раскопа на городище вскрыли жилые комплексы.

Один раскоп обнаружил сырцовую постройку с кирпичным полом, штукатурными стенами, с резным, со следами росписи, штукатуром. Среди находок весьма любопытна ручка сосуда с изображением человеческой фигуры буддийского типа. На другом раскопе была вскрыта часть жилого комплекса с хозяйственными ямами. Раскоп был поставлен со стратиграфическими целями и вскрыл 4 последовательных слоя, причем наиболее важный, согдийский, дал весьма интересную керамику античных форм.

Последний раскоп обнаружил также жилой комплекс из сырца. Стены помещений украшены резьбой и раскраской по сырцовому фону, типа панелей из Самарры (Иран, столица аббасидских халифов). Мотив резьбы растительный (лоза и лист), роспись — геометрическая. Богатый материал, собранный во время раскопок на городище, наглядно представляет культуру городища с V—XII вв. н. э.

Раскопки на городище Ак-Пешин, как и в 1938 г., имели чисто разведочный характер и были сосредоточены в той части городища, где предполагается „киданьский“ квартал города. Шурфы подтвердили первоначальное предположение: обнаружена черепица китайского типа, налеты на черепицу с растительным орнаментом, своеобразная керамика, отличная по форме от известных образцов среднеазиатской керамики и имеющая аналогии с керамикой Харахото. Несомненно, что примыкающая к городищу территория с юго-востока является киданьской частью города Беласагуна, причем в отдельных местах этого города намечаются весьма ясно контуры построек городского типа.

В 1939 г. экспедиция закончила нанесение на карту поселений городского типа по Чу. Зарегистрированы каменные бабы в районе Малого Кемина; в долине Большого Кемина (около с. Новороссийска и на правом берегу р. Чон-Кемина, около ущелья Тар-су) открыты два городища с весьма слабым культурным слоем. Городища, особенно правобережное, прекрасно укреплены валом с башнями (длина сторон вала до 1 км). Положение городищ и характерный культурный слой дают основание предполагать, что это городища древнего Суяба, который, по показаниям исторических источников, состоял из двух частей: Сагура и Кубала. Находящийся между Беласагуном и Суябом город Невакет отождествлен с развалинами в с. Орловка, Чуйского района.

В ущелье Чон-Кемин обнаружен могильник тюркского времени (VI—VIII вв.). Около курганов и могил сохранились ряды балбалов. Особый интерес представляют изваяния, имеющие явно не тюркский тип — европеоидное лицо с большой окладистой бородой.

Таким образом работы 1939 г. завершили общее археологическое описание Чуйской долины, заложили основы стационарным работам на городищах Красной Речки (г. Сарыг) и Ак-Пешина (г. Беласагун), а также подготовили почву для исследования весьма интересного для Средней Азии тюркского могильника VI—VIII вв.

Работы в Киргизии выявили наиболее ранний для Семиречья тип поселений, соответствующий эпохе рабовладельческого строя, когда еще не было городов, а согдийские колонии представляли собой совокупность отдельных укрепленных „вилл“. Этот тип поселения, сменяемый затем городом с арком, шахристаном и рабадом, наглядно выявлен раскопками городища Красная Речка. Классический тип средневекового города представлен городищем Ак-Пешин, отождествляемым нами вслед за В. В. Бартольдом со столицей караханидов, а затем киданей в XI—XII вв. н. э.

А. Н. Бернштам

ЗАРАФШАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1939 г.

Весной 1939 г. ИИМК и Государственный Эрмитаж провели в Узбекистане, в долине р. Зарафшан, совместную археологическую экспедицию. В составе ее работали две партии — одна в Пейкенде, развалины которого находятся в Бухарской области в 9—10 км от ст. Якатут Ашхабадской ж. д., в песчаной пустыне, другая — в Тали-барзу в 6 км на юг от Самарканда.

Пейкенд в настоящее время представляет значительное городище, в огромной части засыпанное песком. Оно находится в 3,5 км от колхоза Янги Маданият, на небольшой каменной возвышенности (кыр), окруженной песчаной степью.

Пейкенд в 1913—1914 гг. был уже обследован Л. А. Зимним, который в 1913 г. дал первое, однако неполное и не совсем ясное описание городища,¹ а в 1914 г. провел довольно большие раскопки со вскрытием верхних слоев, относящихся к караханидскому (XI в.) и саманидскому (X в.) времени.

В задачу пейкендской партии нашей экспедиции 1939 г. входило: 1) вновь провести археологическую разведку с тем, чтобы подготовить в Пейкенде большие раскопочные работы, поскольку городище это представляет исключительный интерес для истории дофеодального и ранне-

¹ Л. А. Зимн. Развалины Пейкенда. Прот. Туркест. кружка любит. археол., вып. 19, отд. отт., Ташкент, 1915.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1949 Ленинград

А. Н. БЕРНШТАМ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПАМИРА

Памир, за небольшим исключением, был белым пятном на археологической карте. Скудны и известия о нем в письменных источниках. Лучшей сводкой по истории изучения Памира был труд русского ученого И. Минаева (1879), а по истории памирских племен и народов — монументальное исследование другого русского ученого Н. Аристов (1900—1904 гг.). Отдельные районы юго-западного Памира были обследованы Олуфсенем в 1898—1899 гг. и в 1901—1902 гг. А. Стейном, шедшими по стопам русских ученых. Во всех случаях проведена только регистрация наиболее приметных памятников западного Памира, отсутствует их археологическая и историческая интерпретация, совершенно не учтены памятники кочевников.

Экспедиция Ленинградского отделения ИИМК и Ленинградского гос. ордена Ленина университета в 1947 г. была первой археологической экспедицией на Памир.

Изучение археологических памятников Памира немислимо без обследования памятников северного Припамирья, которое производилось Тяньшано-Алайской экспедицией с 1944 г. Продолжение этих работ в 1947 г. в северном Припамирье и углубленная рекогносцировка по восточному (Кара-Куль, Ак-Байтал, Пшарт, Мургаб-Аксу, Аличур, Булун-Куль, Яшиль-Куль, перевалы Найзаташ, Харгуш, Тагаркаты, Кой-Тезек) и западному (Тогуз-Булак, Гунт, Шахдара, каньон р. Памир, Вахан, Южный Ишкашим) Памиру, а также разведка по Каратегину до Гарма позволяют в общих чертах обрисовать историко-археологические силуэты Памира, поставить некоторые вопросы исторического и историко-географического порядка.

В северном Припамирье четко выявилась раннесакская культура аристовской группы (Тулейкенский и Чакмакский могильники), в культуре которой наблюдается скрещение местных элементов, восходящих к поздне-ананусским традициям Ферганы типа Эйлатан, с тяньшанскими. Аналогичная картина фиксирована и для более позднего этапа этой культуры в Чон-Алае, у подножья Заалайского хребта. Эти культурные элементы наиболее отчетливо достигают р. Муксу и продолжают в меньшем количестве вплоть до Гарма.

Раскопки могильника в уроч. Мааша (Чон-Алай) открыли ясную картину проникновения в эти районы, в места обитания сакских по своему происхождению племен хюсюнь и гюаньду-гюйми (кумедов — античных авторов) — гуннских, центрально-азиатских элементов. Маашинская культура катакомбных погребений представляет собой более поздний вариант

(II — IV вв.) культуры типа Кенкол и Арпа на Тянь-Шане. Это открытие, с одной стороны, подтверждает указание античных авторов (Страбона и Птолемея) о гуннах в стране кумедов у Имауса (Памир); с другой, отмечая скрещение с культурой местных племен, быть может, прольет свет на проблему взаимоотношений поздних кумиджиев арабо-персидской литературы с эфталитами — «белыми гуннами». Культура могильника Мааша несет в себе также характерные черты гуннской культуры Забайкалья (Ильмовая Падь) и позднесарматских погребений Нижней Волги.

В районах Алая встречены могильники V — VI вв. (Кукальда) позднекушанского (или эфталитского) времени, характерные своим разнообразным палеоантропологическим составом.

Археологические памятники Памира резко отличаются в восточном и западном Памире и совпадают с современной этнолингвистической границей: восточный Памир представлен памятниками кочевников, западный — памятниками оседлого населения. Памятники восточного Памира — могилы и курганы — имеют много общих черт с памятниками Тянь-Шаня и Алая (сакского типа насыпи курганов с кромлехами, усуньского типа «цепочки»). Среди этой группы памятников выделяются типы, формальное сходство с которыми обнаруживается в археологии южной Сибири.

Без раскопок больших серий дальнейшие выводы пока невозможны.

Восточный Памир в древности был заселен по берегам рек Пшарт, Мургаб-Аксу, меньше — по Аличуру, и по берегам некоторых озер типа Булун-Куль. Северо-восточный Памир (Маркансу, оз. Кара-Куль, реки Музкол и Ак-Байтал) был необитаем. Меридиональных коммуникаций Памир в древности не знал, и все предположения о торговых путях, пересекавших якобы эти области, должны быть отвергнуты. Пути торговые, перекочевок и военных походов шли в широтном направлении. Общая тенденция движения кочевых племен древности, несомненно, еще сако-усуньской поры, намечается в юго-западном направлении, через каньон р. Памир («Висячий переход» китайских источников), в сторону индо-иранского мира. Полагаем возможным видеть в этих памятниках, дошедших до границы Вахана (уроч. Юм-Хона), следы пресловутого «арийского завоевания» — пастухов-скотоводов, шедших, согласно эпической традиции, с «высоких гор» — Хара-Березайти. Памятники кочевников обрываются на меридиане Западного Вахана, перевале Кой-Тезек и далее на север.

Памятники западного Памира различны в разных долинах. Наиболее мощные сооружения «столичного» типа находятся в Вахане (Ямчун, Ка'ака), более провинциальные — в Шунгане и Шахдаре (Имом-Хора, Ванк-Кала, Чертым, Ривак, Рош-Кала). Последние имеют местный характер, и крепости Шунгана и Шахдары носят отпечаток интересов отдельных общин. Только на восточных границах эти крепости увеличиваются в количестве, образуя линию обороны от возможных вторжений кочевников западного Памира (слияние Гунта и Токуз-Булака, верховья Шахдары у оз. Турумтай). Оборону Вахана от вторжений кочевников обеспечивали более мощные крепостные сооружения, в первую очередь крепость типа Ратм, запирающая каньон Памира.

Расцвет строительства крепостей западного Памира связан с кушано-эфталитским периодом, начало оседлых поселений документируется давнянским периодом (греко-бактрийское время); явное затухание относится к раннему средневековью. И для эпохи расцвета (кушано-эфталитского периода) культура поселений носит печать провинциализма. Датировка определяется керамикой красного лощения, открытой экспедицией надписью типа карошти, и планом крепостей Ямчун (более старой) и Ка'ака (более поздней). Эфталитский период отмечается слюдяной керамикой, сходством архитектурных элементов (конструкция стен, башен, бойниц, античный

размер кирпича, декор) с памятниками, прежде всего, афригидского Хорезма, среднесогдийскими среднеазиатского междуречья, сасанидского Ирана и некоторыми памятниками Афганистана той же эпохи.

Изучение письменных источников — китайских, сако-хотанского фрагмента X в. о караванном пути через Памир, арабо-персидской литературы — позволяет связать развалины Ямчун с древним сакским городом Гашэнь, руины Ка'ака с Вахано-Памирским центром Кухань-Хокань, ставкой тохаристанского Ябгу.

Работы 1947 г. вносят в советскую археологию общее представление о памятниках древности Памира. Они отметили юго-западную границу расселения древних кочевых племен, отметили особенности восточных границ Тохаристана, дали возможность составить ясную перспективу дальнейшего исследования этой страны, столь долго являвшейся мифической родиной арийцев. Памир выступил как район активного взаимоотношения тюркских и иранских племен.

А. Н. БЕРНШТАМ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ

Институт истории, археологии и этнографии Казахской АН возобновил в 1947 г. прерванные Великой Отечественной войной широкие археологические исследования, которые велись в прошлом в Таласской долине по изучению древнего города Тараза. В 1947 г. маршрут экспедиции был намечен так, чтобы начать с территории, где оборвались работы в 1940 г., т. е. с западных границ Таласской долины, и охватить весь хр. Кара-Тау и культурную полосу, заключенную между Кара-Тау и Сыр-Дарьей.

Центральной и исторической задачей экспедиции было собрать материал для решения кангюйской проблемы (расселение племен, характерные признаки культуры); центральной археологической задачей экспедиции было установление хронологии и стадий типов поселений и находок в целях увязки памятников материальной культуры с историей народов, населявших эту территорию.

Этими задачами определялся маршрут 1947 г. Экспедиция два раза пересекла Кара-Тау и обследовала его предгорья, а также правый берег Сыр-Дарьи — от Отрара (у ст. Тимур) до Сыгнака (около ст. Тюмень-Арык); провела маршрут по левому берегу Сыр-Дарьи (в районе древнего города Оксуса), специально подвергла обследованию оазисы древних городов: Отрара-Фараба, Иопиджаба, Саурана, Сыгнака, Шаггар-Ясы (современный Туркестан), Карнака и других. Собраны многочисленные коллекции — от стрел скифского типа и золотых украшений в кангюйских курганах, до глазурованной керамики монголо-тимуридского периода, неполивная керамика, монеты, предметы ремесла и т. п. Выразительные конструкции крепостей, поселений и их историческая топография, зафиксированные экспедицией, дали богатейший материал для суждения о прошлом этой замечательной страны.

Со второй половины I тысячелетия до н. э. по Кара-Тау и Сыр-Дарье были расселены кангюй, первоначально пастушеско-скотоводческие племена, связанные своим происхождением с сако-массagetскими племенами Сыр-Дарьи и западных отрогов Тянь-Шаня, крайним северо-западным форпостом которого являются горы Кара-Тау. Эта «Великая земля кангюй» — Улуг-Иери (по-китайски Лююени) была родиной древних кангюй, часть которых ныне известна под названием «казахского племени канглы». В конце I тысячелетия до н. э. начинается процесс расщепления древних племен кангюй. В районе Сыр-Дарьи тюркоязычные племена кангюй всту-

пают в социально-экономическую связь с оседлыми племенами Сыр-Дарьи массагето-аланского (ираноязычного) круга, закладывая вместе с ними основы мощной и своеобразной культуры оседлых земледельческих и пастушеских племен.

Если по берегам Сыр-Дарьи ведущим остается алано-огузский этнокультурный элемент, входящий в широкие связи с кушанским Хорезмом и Согдом и тюрко-согдийским Семиречьем, то горные ущелья Кара-Тау и расположенные к северу от него степи сохраняли более самобытную и более скотоводческую культуру древних кангюй.

В гунно-эфталитский период, а затем в тюркский определился тюркский этногенез населения Сыр-Дарьи. Памятники типа городищ Алтын-Тепе у Отрара, Бузук-Тепе у Шилика, древние тепе вокруг Саурана и т. д. дают основание говорить, что эта страна (как и вся Средняя Азия в целом) переживала заключительный этап среднеазиатской античности. В это время (VI — VIII вв.) с остатками патриархально-рабовладельческого строя переплетались формы раннефеодальных отношений. За горным хребтом Кара-Тау пребывали на последних этапах военно-демократического строя полуоседлые кочевники кангюй.

Исследованием городищ (Сыгнак, Сайрамского, Артык-Ата и Бузук-Тепе) на левом берегу р. Сыр-Дарьи экспедиция наметила основные контуры историко-культурного огузского этапа, когда в сложном конгломерате ирано-тюркских племен выступают тюркские племена огузов.

Обследование Сайрамского средневекового городища привело нас к окончательному убеждению, что отождествление его с древним Испиджабом не имеет никаких оснований. Испиджаб еще надо искать, а Сайрамское городище — это позднесредневековый город огузского, а не согдийского происхождения, как об этом говорят древние авторы. В X в. поселение, которое стояло на месте современного Сайрама, было малым по объему поселением, а не грозным форпостом древнего Согда и затем средневекового Мавераннахра, который укрепляли еще ранние саманиды против «неверных» тюрк.

Многочисленные «города гузов», о которых говорят древние мусульманские авторы (Макдиси, Истархи и т. д.), встречались экспедицией в большом количестве. Это и мощный, затерянный в песках Сыгнак, впоследствии столица кыпчаков, это и малый по размеру Карнак (ныне руины Ишкент в кишлаке Атабай), это Сайрам и Бузук-Тепе, поздний Оксус и многое другое. В огузский период Сыр-Дарья самобытна. Отдавая дань активному в торговле Согду (через пески Кызыл-Кумы) и властному Хорезму, она политически была самостоятельна, а когда с востока поднялась династия «черных ханов» (караханиды) и с запада сельджуки, то на какой-то период население Сыр-Дарьи умело лавировать, во всяком случае в области экономики, сохраняя свое «сыр-дарьинское» лицо. Но «буферное положение» между этими двумя государствами XII в. не могло не сказаться на темпах культурного роста поселений Сыр-Дарьи. Во всяком случае, в памятниках материальной культуры различия весьма незначительны для всего огузского периода от IX до XII в.

Иное положение сложилось для городов Сыр-Дарьи в монголо-тимуридский период. Какие бы раны ни нанесли этим городам монголы Чингиза и, прежде всего, отряды Джучи, законы экономики оказались сильнее политических страстей. Жизнь в городах не умерла. В период возвышения кыпчаков, а также в государстве Золотой Орды и в эпоху Тимура города Сыр-Дарьи и Кара-Тау, то как центры, то как форпосты, выдвинутые в кочевую степь, пытались воссоединить в политико-экономическое единство кочевников и земледельцев узлами торговли и ремесла. В это время восстанавливаются старые и возникают новые города. Это документировано

обследованными по обе стороны Кара-Тау городищами типа Саурана и Саудакента, Сузака и Икана и многими другими.

На очереди стоят задачи детализации маршрута, организация раскопок курганов и городищ. Следует также продлить рекогносцировочный маршрут на север от Кара-Тау к долине нижнего течения Чу, на соединение с Центральноказахстанской экспедицией А. Х. Маргулана, на юг и запад за Сыр-Дарью, до соединения с маршрутами Хорезмской экспедиции С. П. Толстова. Восточные связи с Семиречьем ясны по нашим предшествующим работам 1936—1940 гг. Эти раскопки и развитие рекогносцировок и должны составить содержание полевых работ последующих сезонов.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1951 Ленинград

А. Н. БЕРНШТАМ

ДРЕВНИЙ ТЯНЬ-ШАНЬ

В 1949 г. основное внимание археологической экспедиции ЛОИИМК и КирФАН было посвящено древней истории Тянь-Шаня. Вызвано это было двумя научными соображениями: 1) большой военно-политической ролью древнего населения Тянь-Шаня в истории народов Средней Азии и 2) необходимостью выяснить место древних племен Тянь-Шаня в истории киргизского народа.

Экспедиция 1949 г., опираясь на предварительные разведки 1940 и 1944—1945 гг., поставила перед собой задачу охватить новые районы, ранее не исследованные, и произвести массовые раскопки памятников, оставленных кочевниками,— курганов и могил.

В итоге работы коллектив экспедиции, в который, кроме научных сотрудников ЛОИИМК и КирФАН, входили студенты исторических факультетов Ленинградского университета, Киргизского Гос. пединститута и восточного факультета Ленинградского университета, успел сделать немало. Маршрут экспедиции достиг почти 3 000 км. Обследовано четыре района, ранее не посещавшиеся археологами (Тюп, Джаргелан, Джумгал, Токуз-Тарау); открыто семь новых поселений и раскопано 90 древних могил и курганов. В результате собраны археологические материалы о памятниках, датируемых от VII в. до н. э. до VIII—X вв. н. э. Кроме того, экспедицией обследованы и нанесены на карту десятки других памятников, что позволило значительно продвинуть вперед составление историко-археологической карты Киргизской ССР.

На основании исследований, проведенных главным образом в 1949 г., с учетом результатов работ предшествующих экспедиций, можно сделать некоторые выводы.

Широко по всему Тянь-Шаню выступает культура его древнейших обитателей — племенных союзов саков VII—III вв. до н. э. Прежде мы могли говорить в весьма общих чертах о культуре племен саков. Раскопки 1949 г. сакских курганов дали достаточный материал для выявления местных элементов культуры и связи ее с культурой племен Южной Сибири, в первую очередь Алтая и отчасти Енисея. Подтверждением сказанному служит, например, находка бронзового ножа, украшенного фигуркой медведя, выполненного в стиле классических вещей майэмирского этапа на Алтае VII—VI вв. до н. э. Этот мотив украшения прослежен теперь нами до Восточного Памира включительно. К этим же явлениям относятся погребения с бронзовыми ножами тагарского типа в Аламышике (крупный разновременный могильник у г. Нарын), с листовидным ножом в Джергетале (Алабука), конструкция погребения в сложных (двукамерных) могильных постройках с накатом из бревен тяньшаньской ели под курганной на-

сыпью в с. Соколовка (долина Джаргелана) и некоторые находки в погребениях в Карагуджире, Аламышике III и т. п.

Взаимосвязь кочевых племен Тянь-Шаня с южносибирскими племенами не прерывалась и много позднее, что в значительной степени выявляет пути движения с Енисея предков киргизских племен. Показательно, например, сходство каменных статуй Иссык-Куля с алтайскими и енисейскими, хотя здесь имеется ряд местных вариантов в скульптурной технике и стилистических приемах, особенно заметных, например, на одной статуе из района Курменты, явно воспроизводящей «манерность» буддийских статуй Синьцзяна. Скрещение южносибирских элементов с местными документировано одним из погребений VI—VIII вв. в урочище Карой (к западу от Чолпон-Ата), где были найдены сосуды местного происхождения, подражающие металлическим сосудам с Енисея и Алтая.

В Аламышике V было раскопано погребение VIII—IX вв. с конем, аналогичное енисейским погребениям этого же времени из так называемого четвертого типа уйбатских чаатасов (по Л. А. Евтюховой).

Учитывая сложение местной кочевой культуры из двух компонентов — сакского (местного) и южносибирского, удалось расчленить памятники I тысячелетия до н. э. на ряд хронологических групп.

Древнейшими оказались захоронения со скорченными на боку костяками и с инвентарем из бронзы южносибирского облика (ножи тагарского типа в Аламышике I) и сакские (погребения с вытянутыми костяками), тоже с бронзовым инвентарем (ножи в виде полулиста, бронзовые бусы) и керамикой сако-усуньского типа (Джергетал, Кырчин). Сакские погребения отмечены уплощенными насыпями с двумя концентрическими кромлехами. Иногда внутренний кромлех имеет эллипсовидное очертание. Этот тип погребений мы называем скифо-сакским.

Ко времени V — III вв. до н. э. относятся малые по диаметру курганы с плотно уложенными в насыпи камнями, с каменными ящиками или их дериватами, с бедным инвентарем и преимущественно лепной керамикой. В этих погребениях, наряду с бронзой, сохраняющейся в украшениях, изредка появляется железо. По конструкции насыпи и погребальной камеры они сходны с погребениями на Иртыше, отмечая тем самым опять-таки северо-восточное влияние на Семиречье. Эти памятники именуются нами исседонскими (предусуньскими) памятниками (Аламышик II, Карагуджир и т. п.).

Еще в 1938 г. удалось выявить памятники, документирующие проникновение гуннских племен на Тянь-Шань. Как известно, с гуннами впервые проникли древнекиргизские племена. Долгое время эта группа памятников была ограничена нашими находками в Таласской долине по течению р. Кенкол. Затем последовали открытия в Арпе и Атбаши (1944 и 1945 гг.) и Чон-Алае (1947—1948 гг.).

В 1949 г. нам посчастливилось открыть гуннские погребения и на Тянь-Шане, на перевале Кыз-Арт (перевал из Кочкорской долины в Джумгал). В катакомбах Кыз-Арта собран исключительной важности материал, отмечающий раннее проникновение гуннов в Центральный Тянь-Шань. В погребениях встречены остатки оружия (роговые обкладки сложносоставного лука), обрывки китайского шелка и шерсти, глиняная плоскодонная грубая черная посуда и т. п. Теперь у нас есть все основания утверждать, что Тянь-Шань являлся цитаделью, из которой шло гуннское вторжение в Среднюю Азию. Как известно, именно они, гунны, сыграли не последнюю роль в формировании местного кочевого населения Средней Азии, оказав также огромное влияние на политические судьбы среднеазиатской античности. Если, таким образом, с древних времен образование местной культуры и этногенез протекали на основе скрещения сакских племен с южносибирскими, то с рубежа нашей эры в этногенезе племен Тянь-Шаня огромное

значение получает третий этнический компонент — центральноазиатский, носителем которого были северные гунны.

В гуннских погребениях Тянь-Шаня ныне можно также различить несколько типов. Если кызартские катакомбы принадлежат к «кенкольскому» типу погребений (наиболее раннему), то за ним следует «арпинский» тип погребений. Экспедицией 1949 г. открыты катакомбы — подбой с широким дромосом, отгороженным от камеры поставленными на ребро крупными камнями. Такие погребения типичны для Алая (Кургак, Мааша, Кызыл-туу) и могут называться «алайским» типом и датироваться II—IV вв. н. э. К ним примыкает особый тип погребений тюркского времени, свидетельствующий о бытовании еще элементов гуннской этнической культуры в VI—VIII вв. Катакомбы II—IV вв. встречены на Иссык-Куле (Кырчин II) и в Центральном Тянь-Шане (Аламышик IV). Характерно, что наряду с памиро-ферганским и андронидными расовыми типами, отмеченными в более ранних погребениях, здесь у погребенных выявляются монголоидные черты и деформация черепа, так же как у кенкольцев.

Белым пятном в истории восточной части Средней Азии оставалась первая половина I тысячелетия н. э., когда в среднеазиатском междуречье (область между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей), в Хорезме, Фергане и за пределами Средней Азии (включая Северную Индию и Афганистан), господствовало государство кушанов, политическим гегемоном которого, как мы пытались доказать в специальной работе, были выходцы с Тянь-Шаня — племена усунь¹.

Какова была культура местных тяньшанских племен в это время — оставалось неясным. На этот вопрос мы впервые получили ответ благодаря удачным раскопкам курганов по течению р. Джергес, к востоку от Пржевальска. Своеобразная керамика из этих курганных погребений отмечает культурную связь с Ферганой (красное лощение посуды, тип орнамента в виде вертикальных каннелюр и прорезного арочного орнамента). Факты дают основание установить западное, среднеазиатское культурное влияние, которое мы связываем с племенами юечжи. Напомним, что китайские источники отмечали среди племен усуней остатки сэ (саков) и юечжей. Синхронны с Джергесом двукамерные погребения в Соколовке (Иссык-Куль). Эти погребения, близкие к рубежу нашей эры и заходящие в первые века нашей эры, именуются нами усуне-юечжийскими. Такой же тип погребений встречен и в Аламышике III, с богатым инвентарем, главным образом украшениями. Усуне-юечжийские погребения — это погребения местного населения, жившего здесь во время завоевания Тянь-Шаня гуннами.

Особо стоял перед нами вопрос об оседлых поселениях I тысячелетия н. э. Издавна известны рассказы о «подводном городе» у современного курорта Койсара вблизи г. Пржевальска. Кстати, находок со дна Иссык-Куля известно немало. Напомню также следы построек у Чолпон-Ата. Развалины под водой у Койсары некоторыми историками упорно отождествляются с древнеусуньским городом Чигу, отмеченным китайскими источниками. Несомненно, как это следует из китайских источников, Чигу был на южном берегу Иссык-Куля. Китайские источники отмечают, что Чигу имел стены, и поэтому он называется ими «чэн» (буквально «поселение, обнесенное валом»). Однако Койсара — не место древнего Чигу, ставки кочевых усуньских владетелей — гуньмо («гуньмо» — князь). Чигу следует искать, судя по нашим наблюдениям, в районе Покровки, в местности между реками Джеты-Огуз до Джууки. Именно эта территория богата усуньскими кладбищами «княжеского» типа, а сама долина прорезана речками с характерными названиями Кызыл-Су («Красная вода»). Это как нельзя больше соответствует названию усуньской «столицы» Чигу, что в точном переводе

¹ А. Н. Бернштам, СЭ, 3, 1947.

с китайского обозначает «Красная долина». Дальнейшие изыскания в этом районе, где, по сведениям местного населения, имеются следы валов (район совхоза «Орочок» в 6 км к востоку от с. Покровка), весьма перспективны для обнаружения древней «столицы» усуней. Чигу — первое свидетельство наличия оседлого типа поселений на Тянь-Шане. Эти поселения, вероятно, были двух типов: 1) военно-торговые фактории, проникавшие со стороны Чуйской долины (поселения по берегам Иссык-Куля, древняя область Верхний Барсхан), и, как стало особенно ясно в этом году, со стороны Ферганы, особенно в Токуз-Тарау (Чалдывар, Кара Тавалгаты) и в Джумгале (Каирма); 2) города-ставки местных владетелей, часто выстроенные руками опытных зодчих Ферганы и Чуйской долины (типа Кошой-Курган — древний город Атбаш в долине Атбаши, и Ширдакбек — древний город Каджангарбаши на р. Алабуга).

Начало строительства оседлых поселений стносится к VI—VIII вв., когда на Тянь-Шане последовательно складываются государства западнотюркского каганата, тюркешей и карлуков. Особенно усиливается это строительство при карлуках (VIII—X вв.) и при Караханидской династии (XI—XII вв.). Именно к этому времени, скорее всего к VII—VIII вв., относится замечательное здание у впадения р. Манакельды в р. Алабугу. Это здание, которое местное население рассматривает как дворец младшей и любимой жены героя киргизского эпоса Ширдакбека, впервые обследовано нами и было подвергнуто тщательному осмотру и обмерам. Квадратная в плане постройка в виде мощных стен, украшенных выступающими рельефными полуколонками, с круглыми башнями по углам восточной стены (башни, быть может, — позднейшая перестройка), имела в центре хауз (водоем), а по всем четырем секторам — жилые постройки в виде худжр (келий). Часть построек имела айваны (открытая галлерей). Между жилыми помещениями, весьма однотипными, и оборонительной стеной проходил коридор — узкое помещение, перекрытое сводом, где размещались защитники этого здания. Кое-где в стенах сохранились бойницы. По верху стены полуколоннами образовывался своеобразный парапет, в просветах которого могли также размещаться воины.

Такой тип постройки, соединяющий в себе план «казармы» и крепости с оригинальной и первой для Тянь-Шаня декоративной обработкой стен (гофрировка), до сих пор известной только для центральных и западных районов Средней Азии (Хорезм, Мерв, Согд), представляет исключительный историко-архитектурный интерес. Чалдывар (как называют здесь это здание) еще раз подтверждает тесную связь и нарастающие темпы объединения культуры народов Тянь-Шаня со Средней Азией через Фергану и культурное влияние последней в VII—VIII вв. По характеру строительного материала и плану здания ближайшей ему аналогией является постройка Ак-Тепе около Ташкента, а отчасти и строительные комплексы в тюркских слоях Касана. Это дает полное право датировать наше здание VII—VIII вв. Подчеркиваем, VII век, так как ранее этого времени (659 г.) трудно предполагать проникновение на Тянь-Шань ферганцев, только с этого времени ставших под политический протекторат тюрок.

Если военно-политическая сила оставалась за Тянь-Шанем, то в культурном отношении играли большую роль оседлые районы. Наибольшее значение для Тянь-Шаня имели племена долины Чу, Таласа и Ферганы. Об этом говорят не только письменные источники, но и археологические данные. Наиболее активными проводниками культурных достижений являлись карлуки, самыми отсталыми были племена ягма, жившие к югу от долины Нарына вплоть до Кашгара, и чигили — по западному берегу Иссык-Куля.

Наш коллектив в 1949 г. уделил внимание изучению культуры и особенно расселению племен в VIII—X вв. Наибольшая концентрация тюркских племен, скорее всего чигилей, отмечена в Кок-Булаке (западный берег

Иссык-Куля) и Кочкорской долине (Ара-Куль). Кроме того, аналогичные памятники отмечены по северному берегу Иссык-Куля (Кырчин, Ой-Булак) и в Джумгале (Алтын-Арык).

Памятники кочевников Тянь-Шаня имеют местные варианты, и работами 1949 г. удалось установить некоторые этнографические отличия между различными группами племен Тянь-Шаня как VII—I вв. до н. э.—I—II вв. н. э., так и для VI—X вв. н. э.

Отмечу, что могильники, связанные с надгробными каменными статуями (северо-восточный угол Иссыккульской котловины), ближе к алтайским и, вероятно, принадлежали тюргешам, судя по указаниям арабоязычной и персоязычной литературы об их местожительстве.

В курганах на западе Иссык-Куля (Кок-Булак) отмечаются больше местные элементы, и по времени они должны быть связаны с чигилями, которые, согласно Гардизи, жили в этом районе Иссык-Куля. Исключительно интересными оказались погребения гунно-тюркского времени, с богатыми украшениями, с китайской монетой типа сачжацзянь, в своеобразных могилах с подбоем, в Аламышике V. Тюркские племена, связанные по происхождению с гуннами, именовались племенами чубань, и мы этот тип погребений (Аламышик V) называем чубаньским.

Выше мы отмечали погребения енисейского типа. К ним по времени (VIII—X вв.) должны быть отнесены грунтовые могилы в Алтын-Арыке, с поздней керамикой, датируемой карлукским временем (VIII—X вв.).

Особо следует отметить то, что в памятниках Тянь-Шаня все больше выявляются следы южносибирских влияний, и не только алтайских, но и енисейских. Это создает твердую базу для изучения процесса заселения Тянь-Шаня древнекиргизскими племенами и образования тяньшанской ветви киргизов. Характерно, что нашими работами показано непрерывное существование, до тюркского периода включительно, культуры гуннского типа, памятники которой ближе всего к этнографическим особенностям современного киргизского населения на Тянь-Шане. Большое значение имеет также обнаружение погребения енисейского типа, юноши с конем, что вполне согласуется со вторым этапом переселения древних киргизов на Тянь-Шане.

Вторым важным выводом, кроме установления общей историко-археологической периодизации, являются общие наблюдения над связью населения Тянь-Шаня с населением Южной Сибири и Центральной Азии, с одной стороны, и Средней Азии — с другой. На фоне этих связей особенно четко выступают местные элементы, отмеченные их неуклонным военнополитическим и этническим господством с древних времен, и формирование на их основе, в скрещении с восточными элементами, тяньшанской ветви киргизских племен.

Уже этот краткий очерк наблюдений экспедиции 1949 г. показывает, что коллективу экспедиции удалось достичь немаловажных результатов в этом сезоне работ. Благодаря широко развернувшимся за последние годы археологическим работам по всей Средней Азии и возможности рассматривать археологические материалы Тянь-Шаня в связи со всеми материалами, полученными в результате работ советских археологов в Средней Азии и Южной Сибири, мы приобретаем большое количество новых культурно-исторических фактов, имеющих значение для изучения прошлого не только Киргизии, но и Средней Азии в целом.